

11. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. Минск: Наука и техника, 1984. 186 с.
12. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль Белоруссии во второй половине XVI в. Минск, 1974. ; Сокол, С. Ф. История юридической науки Беларуси. Минск, 2000.
13. Сокал, С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі (лекцыйны матэрыял). Магілёў : Абласная друкарня, 1999. 142 с.
14. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. Мінск: РІВШ БДУ, 2000. Ч. 1. 352 с. ; Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск: Універсітэцкае, 1992. 270 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СУЩНОСТНЫХ ПАРАМЕТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С. А. Калинин

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
Kalinin@bsy. by*

В статье анализируется сущность исторической и современной белорусской государственности, которая рассматривается как постсоциалистическое полупериферийное национальное государство, возникшее в рамках сложных процессов развития новоевропейской государственности, порожденной цивилизацией Модерна и капиталистической мир-системой.

Ключевые слова: белорусская государственность; новоевропейская государственность; кризис современной государственности; методология теоретической юриспруденции.

CONCEPTUAL AND THEORETICAL ISSUES OF UNDERSTANDING OF THE ESSENTIAL PARAMETERS OF THE BELARUSIAN STATEHOOD

S. A. Kalinin

*Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Kalinin@bsy. by*

The article analyzes the essence of the historical and modern Belarusian statehood, which is considered as a post-socialist semi-peripheral national state that emerged within the complex processes of development of New European statehood, generated by the Modern civilization and the capitalist world-system.

Keywords: Belarusian statehood; New European statehood; crisis of modern statehood; methodology of theoretical jurisprudence.

Стоящая перед теоретической юриспруденцией проблема адекватного изучения современного финального кризиса капиталистической мир-системы и поиска Республикой Беларусь путей выхода из него, в том числе в рамках конституционной реформы, требует переосмысления устоявшихся концептов и понятий, одним из которых является государство. Так, содержательно-динамическая природа оказывается вне анализа при использовании формально-статического подхода, описывающего государство в качестве суверенной обладающей монополией на насилие (принуждение) политической организации, объединяющей население определенной территории.

Изучение содержательно-динамической природы, на наш взгляд, нуждается в одновременном учете следующих параметров:

1) государство – это тип распространяемой на определенную территорию субъектной публичной власти, отделенной от населения, предназначенной для разрешения общих проблем и противоречий, реализуемой посредством формализованных правил и процедур и обладающей правом (возможностью) легального принуждения. В результате государство может быть описано и через объединяющий термин, и через понятие, характеризующее сущность конкретного типа публичной власти;

2) реальное бытие государства связано с его концептуализацией;

3) субъекты публичной власти всегда находятся в конфронтационных отношениях, что обуславливает их возникновение, развитие и гибель;

4) в истории любой государственности всегда присутствуют различные модели публичной власти.

Вышеизложенное подчеркивает объективную важность использования историко-детерминированной методологии, позволяющей холистически и взаимодополняемо рассматривать государство в конкретно-историческом (Республика Беларусь, Российская Империя, Великое княжество Литовское, Русь и т. д.) и концептуально-теоретическом (раннефеодальное, капиталистическое, теократическое и т. д.) измерениях. При этом важной и соответствующей специфике социально-гуманитарного знания и постнеклассической парадигмы научной и управленческой рациональности особенностью осмысления государства является ценностно-оценочная рефлексия, как правило, определяемая отношением познающего субъекта к конкретной власти. Одновременно развитие и осмысление государства осуществляется в рамках векторных концептуально осмысленных ретроспективных и перспективных (футурологических, обращенных в Будущее) историософских процессов. При этом образы Прошлого и Будущего объективно детерминируют деятельность государства, стремящегося не стать объектом иных субъектных воздействий.

Концептуально-теоретически современная Республика Беларусь является постсоциалистическим полупериферийным государством, связанным с новоевропейским типом государственности, который возник в рамках цивилизации Модерна и капиталистической мир-системы (мир-экономики). Однако терминальный кризис данной мир-экономики и переход к иной неопределенной социально-экономической формации, влекущие и упадок новоевропейской модели, объективно требуют переосмысления государства, в том числе, в контексте белорусской государственности.

Цивилизация Модерна (капиталистическая мир-система) исторически зародилась в XVI в. в Западной Европе в качестве локального способа мироустройства и, постепенно, включив в себя иные цивилизационные модели, стала единственной глобальной исторической системой, достигнув к настоящему времени пределов своего бытия [3; 7], а новоевропейское государство приобрело статус универсальной модели публичной власти. Однако такой подход игнорирует иные формы государственности (теократии, полисы, империи и т. д.) [8; 10; 11].

Генетически новоевропейская государственность, возникающая в ходе разрушения основанных на религиозно-культурной идентификации общеевропейских образований (Папский Престол и Священная Римская империя германской нации), восходит к возникшим в конце XV в. в Испании, Франции и Англии «новым (абсолютным) монархиям». Данные монархии, по сути, создали качественно иные (инновационные) формы управления и регулирования и, противопоставив себя иным уровням и типам власти, используя принципы суверенитета и взаимопризнания в рамках межгосударственной системы, осуществили в интересах экономики централизацию и унификацию всех социальных сфер [5, с. 401-413]. Это породило неразрывную связь

единой глобальной экономики, а также множества обладающих формальным суверенитетом, входящих в межгосударственную систему и ведущих борьбу за гегемонию государств, представленных господствующим полюсом-гегемоном и концентрической структурой (срединная, промежуточная и периферийная зоны, ядро, полупериферия и периферия) [5, с. 95-97; 2, с. 117-120]. Однако добиться недолгой гегемонии удавалось лишь трем державам в результате всемирных «тридцатилетних войн» (Нидерланды – Тридцатилетняя война против Габсбургов (1618–1648 гг.); Великобритания – Наполеоновские войны против Франции (1792–1815 гг.); США – военное противостояние с Германией (1914–1945 гг.)).

Государства – соседи «новых монархий» – также начали использовать концепт абсолютного (новоевропейского) государства [1], существенными признаками которого стали суверенитет, инновационно-инвестиционная и индустриально-техногенная природа, позднее дополненные признанием народа источником легитимности государственной власти. Инновационно-инвестиционная природа породила зависимость государств от технологических укладов (циклов Кондратьева), сменяемых в рамках глобальных кризисов [9], выход из которых требует реальной суверенности государства, зависящей от его места в мир-системе [5, с. 397-398].

Признание народа источником суверенитета, вследствие переноса на него прерогатив монарха в рамках «демократической» борьбы против «абсолютизма», придало новоевропейской государственности качества национального государства (государства-нации), что позволило «вынести» социальные противоречия в иные регионы, перераспределить социальные блага и объединиться перед лицом общего врага.

Породившие национализм «старые» новоевропейские страны (Великобритания, Франция, Испания, Нидерланды) в реальности состояли из национальной метрополии, на европейском уровне позиционирующей себя демократическим правовым и социальным государством, и колоний, эксплуатируемых в рамках империи. Континентальные территориальные империи (Австро-Венгрия, Османская Порты, Россия и т. д.), сложившиеся в ходе борьбы с подобными субъектами (московский, литвинский и польский имперские проекты; Османская Порты и балканские страны; Австрия и государства европейско-турецкого пограничья), не могли консолидировать метрополию, лишь эксплуатируя присоединенные территории. Это требовало инкорпорации региональной знати в общегосударственную элиту, но одновременно усиливало весь спектр социальных противоречий [12].

На момент формирования классической новоевропейской государственности территория Беларуси находилась в составе Великого княжества Литовского, состоящего в унияльных отношениях с Польским Королевством, завершившихся созданием неоднозначно воспринимаемого в историографии государства – Речи Посполитой. Данная держава в противовес мировым тенденциям стремилась минимизировать полномочия короля в интересах демократических свобод (вольностей) политической католической полонизированной магнатско-шляхетской нации, противопоставившей себя иному населению через идеи сарматизма. Однако упадок данной страны и раздел ее территории соседними территориальными империями, совпавший с общеевропейскими тенденциями формирования единых рынков, стимулирующих создание отдельных наций, стремления к социальной справедливости и перераспределению земельной собственности, появления в рамках исторической школы и романтизма слоя национальной интеллигенции, изменили сущность представлений об идеальной модели власти, породив иллюзию разрешения указанных противоречий в отдельном национальном государстве.

По сути, названные тенденции, характерные для большинства национальных меньшинств, особенно апеллировавших к прерванным имперским проектам, были реализованы после Первой мировой войны, вызванной борьбой Германии и Великобритании за гегемонию в мир-системе [6, с. 19-62], в результате распада

континентальных империй, чем была достигнута основная цель англосаксонского ядра в данной войне, направленная на формирование глобального рынка в рамках совокупности небольших слабых государств [13]. Применительно к белорусским землям это проявилось в революционных событиях 1917 г., которые, уничтожив легитимную власть и обусловив распад Российской империи, стимулировали остроконкурентное национальное (российское, польское, украинское, литовское и т. д.) строительство, в том числе в рамках фантомных имперских притязаний.

В этом контексте исходной точкой конституирования современной белорусской национальной государственности стал Первый Всебелорусский съезд 1917 г., инициированный Советской властью в Петрограде, но разогнанный Областным исполнительным комитетом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта и Советом народных комиссаров области и фронта [4]. Разгон, по сути, породил две конкурирующие модели государственности, которые всегда тяготели бы к определенному крупному субъекту (Россия, Германия, Польша), определив (отстояв) условия взаимодействия с ним, а также избрав социалистический либо капиталистический вектор развития.

Первой моделью белорусской государственности стала советская социалистическая модель, представленная двухуровневой структурой (наднациональный центр и национальная республика), которая позволила разрешить существовавшие противоречия и обеспечить победу в будущей войне, неизбежность которой требовала соответствующей государственной политики. Белорусская народная республика, ставшая второй и исторически виртуальной моделью государственности, провозгласила себя в условиях немецкой оккупации, но без призыва к изгнанию захватчиков, реальной властью не обладала, что в перспективе влекло поглощение белорусских земель иными государствами. При этом виртуальность БНР позволила ей приобрести статус оторванного от реальности идеала, соотносимого с имеющимися негативными аспектами жизни советской и постсоветской Беларуси.

Третьим этапом формирования национальных новоевропейских государств стал распад социалистического лагеря и СССР, стимулировавший обращение к виктимной версии национализма, рассматривающей титульную нацию в качестве исторической жертвы социализма и (или) России, имеющей право на «восстановление исторической справедливости». Беларусь избежала данной модели, противопоставив этническому национализму преемственную с советским наследием идею общегражданской политической нации и сохранив в качестве основы суверенной легитимности статус Победителя в Великой Отечественной войне. Именно Победа, основанная на чрезвычайной и мобилизационной сущности как общерусской, так и советской государственности, социалистических идеях о всеобщем равенстве и справедливости, коллективизме и жертвенности, творческом служении и самоограничении, противостоящих античеловеческим идеологиям, обеспечила выживание народа и государства в условиях перспектив тотального уничтожения. Это объективно предопределило сущность социально-ориентированной и взвешенной («соборной») политики (стремление к мирному сосуществованию, поддержание связей с Россией и постсоветским пространством, сохранение социальных функций государства, минимизация негативных сторон капитализма и т. д.). Подрыв легитимности Победы в перспективе аннулирует статус Беларуси как державы-основательницы ООН, переводя ее из субъектного статуса победителя в несубъектный статус «жертвы» тоталитарных режимов.

Таким образом, осмысление сущности белорусской государственности в ее историческом и футурологическом измерении, актуализированное сменой социально-экономической формации, требует пересмотра исходного для теоретической юриспруденции понятия «государство». Целью такого пересмотра должно стать отражение содержательно-динамической природы государства в контексте присутствия

в истории белорусской государственности ряда различных типов публичной власти, которое [присутствие] предопределяет возможность некорректного «переноса» сущностных моделей власти, свойственных одним историческим периодам, на иные.

Сущностно современная белорусская государственность, связанная с различными тенденциями развития форм публичной власти, характерных для цивилизации Модерна и капиталистической мир-системы, является постсоциалистическим национальным полупериферийным государством, конституированным в ходе распада Российской империи и СССР, однако отказавшимся от использования модели виктимного национализма. При этом сохранение преемственности с СССР и самолегитимация через Победу в Великой Отечественной войне позволяет Беларуси поддерживать общенародную сущность за счет поиска инновационных моделей социального регулирования.

Библиографические ссылки

1. Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства. М. : Территория будущего, 2010. 512 с.
2. Бродель, Ф. Динамика капитализма. Смоленск : Полиграмма, 1993. 128 с.
3. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. = *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle*. М. : Весь Мир, 2006. Т. 1-3.
4. Брыгадзін, П. І. Першы Усебеларускі з'езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя // Журнал Белорусского государственного университета. История. = *Journal of the Belarusian State University. History*. 2017. № 3. С. 37-43.
5. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под ред. : Б. Ю. Кагарлицкий. СПб. : Университетская книга, 2001. 414 с.
6. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва. М. : Логос, 2004. 353 с.
7. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна [Текст] = *The Modern world-systhem* : в 4 т. / [предисл. Г. М. Дерлугьяна ; пер. с англ., лит. ред., коммент. Н. Проценко, А. Черняева]. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. Т. 1-4.
8. Джессоп, Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. Д. Карасева. М. : ИД Дело, 2019. 504 с.
9. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева [и др.]. М. : Экономика, 2002. 765 с.
10. Кревельд, М. ван. Расцвет и упадок государства. М. : ИРИСЭН, 2006. 462 с.
11. Лахман, Р. Государства и власть / пер. с англ. М. Дондуковского ; под науч. ред. И. Чубарова. М. : ИД Дело, 2020. 352 с.
12. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 316 с.
13. Фурсов, А. И. Мировая борьба. Ангლოსаксы против планеты [Текст] М. : Книжный мир, 2017. 510 с.